

Говард Филлипс Лавкрафт

Он

(He)

Я увидел его бессонной ночью, когда бродил в отчаянии по городу, пытаюсь спасти свою душу и свою мечту. Мое появление в Нью-Йорке было ошибкой — я приехал сюда в поисках острых ощущений, необыкновенных чудес, удивительного душевного подъема в многолюдных лабиринтах старых улиц, которые выныривали из глубины заброшенных дворов, площадей и из района порта и, бесконечно извиваясь, утыкались в такие же заброшенные дворы, площади и постройки порта; а также в гигантских современных зданиях-башнях, поднимающихся ввысь мрачными вавилонскими громадинами, — вместо этого я испытывал ощущение ужаса и подавленности. Они грозили завладеть мной, парализовать и уничтожить меня.

Разочарование наступило не сразу. Оказавшись в городе впервые, я увидел его при заходе солнца с моста — величественный город, отражающийся в воде, с его невероятно остроконечными крышами и зданиями, напоминающими древние пирамиды, возникающими из лилового тумана подобно изысканным цветам, чтобы предстать во всей красе перед облаками, освещенными пылающим закатным небом, и нарождающимися в ночи первыми звездами. Затем одно за другим стали зажигаться окна над мерцающими морскими волнами, где покачивались плавно и скользили фонари; звуки рожков и сирен сливались в дивной, причудливой гармонии, и сам город, над которым навис звездный небесный свод, был словно мечта, наполненная фантастической музыкой. Места с чудесами Каркассона, Самарканда, Эльдорадо и других великолепных, похожих на сказку городов. Вскоре после этого я бродил по тем старинным улицам, столь дорогим моему воображению, — узким, кривым проулком, проходам, где ряды домов из красного кирпича, построенных в архитектурных стилях XVIII и начала XIX веков, мерцали светом мансардных окон, посматривающих на проезжающие мимо позолоченные «седаны» и разукрашенные кареты. Ясно осознавая, что я увидел то, о чем так долго мечтал, я в порыве чувств и в самом деле подумал, будто это — истинные сокровища, которые со временем сделают из меня поэта.

Но моим честолюбивым надеждам и счастью не суждено было сбыться. Яркий дневной свет все поставил на свои места. Он обнажил всю, запущенность и убожество. Куда бы я ни посмотрел, всюду был камень — он вздымался гигантскими сооружениями, он простирался под ногами мощеными тротуарами и дорогами. Я оказался словно в каменном мешке. Возможно, только лунный свет мог придать всему этому чуточку очарования и волшебства. Толпы людей, бурлящих на улицах, которые напоминали искусственные каналы, были чужими для меня — коренастые, смуглые незнакомцы с ожесточенными лицами и узкими глазами, пронизательные, практичные, не обремененные мечтами, безразличные ко всему окружающему, они никогда не могли значить что-либо для голубоглазого чужестранца, чье сердце осталось в далекой деревеньке с зелеными лужайками.

Итак, вместо того, чтобы писать стихи, о чем я так мечтал, я впал в уныние. Невыразимая тоска овладела мною. И наконец, я понял страшную правду, о которой никто никогда не решился обмолвиться, — тайна тайн — то, что этот город из камня и резких звуков не может сохранить в себе черты старого Нью-Йорка, как Лондон — старого Лондона, а Париж — старого Парижа, что фактически он мертв, лишен признаков жизни, а его распростертое тело плохо набальзамировано и наводнено странными существами, которые ничего общего с ним не имеют, как и было в действительности. Сделав это неожиданное открытие, я перестал спать спокойно, хотя кое-что от былой уверенности вернулось ко мне, когда я перестал выходить днем, покидая его стены по ночам, когда темнота вызывала к жизни то малое, что еще осталось от прошлого; нечто неосязаемое, подобно призраку. Найдя в этом своеобразное облегчение, я даже написал несколько стихотворений и все еще воздерживался от возвращения домой к своим родителям, чтобы они не почувствовали, что все мои мечты и планы постыдно рухнули.

И вот однажды во время прогулки одной из бессонных ночей я встретил человека. Это произошло в закрытом дворике квартала Гринвич, где я по своему неведению поселился, прослышав о том, что именно здесь живут поэты и художники. Архаичные лужайки и дворики в самом деле приводили меня в восторг, и когда я узнал, что поэты и художники — это горластые притворщики, вся причудливость и неординарность которых не что иное, как мишура, и чья повседневная жизнь является оспариванием и опровержением всей той целомудренной красоты, какой является поэзия и искусство, я остался здесь из любви к этим древним, освященным веками местам. Я представлял себе, как тут все выглядело, когда Гринвич был тихой деревенькой, когда ее еще не успел поглотить город-монстр. В предрассветные часы, когда гуляющие разбредались по домам, я, бывало, бродил один по этим загадочным извилистым улочкам и предавался размышлениям о том, какие же тайны, должно быть, оставило здесь каждое поколение. Это поддерживало мой дух, питало мое воображение поэта, который жил где-то глубоко внутри моего существа.

Он подошел ко мне около двух часов туманным августовским утром, когда я пробирался через отдельные дворики, пройти к которым можно было только минуя неосвещенные коридоры примыкающих зданий, хотя когда-то эти дворики представляли собой сплошную цепочку живописных проулков. Мне довелось услышать об этом, и я понял, что сейчас их не найти уже ни на какой карте. Но сам факт, что они были заброшенными, внушил мне еще большую любовь к ним, поэтому я выискивал их повсюду с удвоенной энергией. Теперь, когда я обнаружил их, рвение мое усилилось, так как что-то в их расположении говорило о том, что осталось совсем немного подобных двориков с темными, тихими уголками, втиснувшимися между высокими глухими стенами и пустыми жилищами сзади или притаившимися за неосвещенными проходами под арками, у которых всегда околачиваются хитрые и необщительные представители богемы, чьи делишки не предназначены для посторонних глаз.

Он заговорил со мной сам, обратив внимание на мое настроение и те взоры, которые я бросал на входные двери с причудливыми дверными молоточками или кольцами. Слабый свет из фрамуг ажурной каменной работы чуть освещал мне лицо. А его оставалось в тени, скрытое под полями широкой шляпы, которая по-своему прекрасно подходила к его старомодному плащу. Сам не знаю почему, но какое-то едва уловимое

беспокойство охватило меня еще до того, как он ко мне обратился. Он был худощав, мертвенно-бледен, и голос его оказался глубоким. Он сказал, что не впервые видит меня здесь и пришел к выводу, что мы похожи с ним в своей привязанности к прошлому и к тому, что от него осталось. Не хочется ли мне послушать человека, давно занимающегося историей этих мест и изучившего ее значительно глубже, чем кто-либо другой? Приехавший из далекой страны мог бы многое узнать.

Пока он говорил все это, я мельком увидел его лицо, на которое упал желтый луч света от единственного освещенного окна на чердаке. Это было привлекательное, я бы даже сказал, красивое лицо немолодого человека. Оно сохранило следы благородного происхождения и утонченности, необычной для его возраста и этого места, Однако что-то в нем тревожило почти так же, как и привлекало, — возможно, оно было очень бледным или слишком невыразительным, а может быть, просто не соответствовало окружающей обстановке, чтобы я мог почувствовать себя легко и спокойно. Тем не менее я последовал за ним, так как в те безотрадные дни мое стремление к красоте древности и ее тайнам было всем, что могло поддерживать мой дух. И я посчитал необычайной милостью Судьбы встретиться с человеком близких взглядов, чьи познания в истории прошлых веков были значительно глубже твоих.

В ночи происходило нечто, удерживающее облаченного в плащ мужчину от разговоров, и долгое время мы шли, не проронив ни слова. Время от времени он давал только короткие пояснения относительно имен, дат и событий, указывая дорогу в основном жестами. Мы протискивались в узкие щели, шли на цыпочках по коридорам, перебирались через кирпичные стены, проползали на четвереньках через низкие сводчатые проходы, огромная длина которых и мучительно бесконечные повороты совсем сбили меня с толку, и я не мог определить, где же мы находимся. Все, что мы увидели, было очень старым и приводило меня в восторг, или, по крайней мере, мне так казалось при рассеянных лучах света. Я никогда не забуду разрушающиеся ионические колонны, пилястры с каннелюрами, железную изгородь со столбами, верхушки которых напоминали изваяния на надгробиях, окна с выступающими наружу перемычками и декоративные веерообразные оконца над дверями, казавшиеся тем более необычными и причудливыми, чем глубже мы забивались в этот неисчерпаемый лабиринт неизвестной нам старины.

Нам не встретилось ни души, и по мере того, как мы продолжали свой путь, освещенных окон становилось все меньше и меньше. Первые попавшиеся уличные фонари были масляными, старинной ромбовидной формы. Позже я увидел фонари со свечами; и наконец, когда мы пересекли жуткий мрачный двор, моему спутнику пришлось вести меня за руку через кошмарную тьму к узкой деревянной калитке в высокой стене, за которой скрывалась маленькая улочка. Мы увидели, что она освещена фонарями, расположенными только у каждого седьмого дома, — это были, вероятно, колониальные жестяные фонари с пробитыми по бокам дырочками. Улочка круто поднималась в гору — круче, чем это может быть в этой части Нью-Йорка, верхний ее конец упирался под прямым углом в увитую плющом стену, за которой начиналось частное владение. Над стеной возвышались верхушки деревьев, раскачивающихся на фоне чуть посветлевшего неба. В стене выделялась небольшая калитка из темного дуба с низкой полукруглой аркой. Мой спутник начал открывать замок массивным ключом.

Пригласив меня войти, он отправился в полной темноте по тропинке, посыпанной гравием. В конце концов, мы поднялись по каменным ступенькам к двери дома, которую он открыл и пригласил меня войти.

Мы очутились внутри. Стоило мне переступить порог, как я почувствовал, что нахожусь на грани обморока от ужасного зловония, хлынувшего нам навстречу, которое, должно быть, являлось результатом отвратительного гниения, продолжавшегося веками. Но хозяин, казалось, не замечал этого, а я из вежливости молчал, когда он вел меня по крутой извилистой лестнице через холл в комнату, дверь которой он запер за собой на ключ, насколько я мог слышать. Потом он раздвинул шторы на трех небольших окнах, едва проступающих на фоне светлеющего неба, затем прошел через комнату к камину, высек огонь с помощью кремня и огнива и зажег две свечи в массивном канделябре, состоящем из двенадцати подсвечников. Он сделал жест, как бы приглашая к спокойной и тихой беседе.

При этом слабом освещении я увидел, что мы находимся в просторной, обшитой панелями и со вкусом обставленной библиотеке первой четверти восемнадцатого века с великолепными фронтонами над дверными проемами, восхитительным дорическим карнизом и изумительным резным украшением над камином с орнаментом наверху, напоминающим барельеф на могильном склепе. Над полками, тесно заставленными книгами, на некотором расстоянии друг от друга вдоль стен висели семейные портреты в красивых рамах. Портреты несколько утратили свой прежний блеск, подернулись таинственной дымкой и были удивительно похожи на мужчину, который жестом приглашал меня сесть на стул рядом с изящным столиком в стиле чиппендейл. Прежде чем расположиться за столиком напротив, мой хозяин помедлил как бы в смущении. Затем, не спеша сняв перчатки, шляпу с широкими полями и плащ, он театрально предстал перед моим взором в костюме эпохи одного из английских королей Георгов, начиная с заплетенных в косичку волос и кружевного гофрированного воротника и кончая бриджами, шелковыми получулками и туфлями с пряжками, на которые я прежде не обратил внимания. Затем, медленно опустившись на стул с лирообразной спинкой, он начал внимательно разглядывать меня.

Без шляпы он приобрел вид человека древнего, что до этого едва ли бросалось в глаза, и теперь я думал, не послужил ли этот отпечаток исключительного долголетия источником моего беспокойства. Когда он наконец заговорил, его тихий, загробный, осторожно приглушенный голос нередко дрожал, и иногда я с большим трудом понимал его, с глубоким волнением и изумлением прислушивался к тому, что он говорит, и затаенная тревога нарастала во мне с каждой минутой.

— Перед вами, сэръ, — начал мой хозяин, — человек с весьма странными привычками, за необычные одеяния которого нет необходимости извиняться перед вами, с вашим умом и склонностями. Размышляя о лучших временах, я принимал их такими, какие они есть, со всеми их внешними проявлениями, включая манеру одеваться и вести себя; со снисходительностью, которая никого не оскорбляет, если осуществляется без показного рвения. Мне повезло, что сохранился дом моих предков, хотя он и был поглощен двумя городами — сначала Гринвичем, построенным здесь после 1800 года, а затем и Нью-Йорком, слившимся с ним ближе к 1870 году. Существовало много причин для

сохранения нашего родового гнезда, и я не был нерадив в выполнении своих обязанностей. Сквайр, унаследовавший его в 1768 году, изучал различные науки и сделал некоторые открытия. Все они связаны с влиянием, присущим именно этому участку земли, и чрезвычайно оберегались. С некоторыми любопытными результатами этих исследований и открытий я намерен познакомить вас под строжайшим секретом. Я полагаю, что достаточно хорошо разбираюсь в людях, чтобы сомневаться в вашем интересе и вашей порядочности.

Он замолчал, а я в ответ смог только кивнуть головой. Я уже говорил, что был встревожен, однако для моей души не было ничего более убийственного, чем Нью-Йорк при дневном свете, и, независимо от того, был ли этот человек безвредным чудачком или обладал какой-то зловещей силой, у меня не было выбора. Мне ничего не оставалось, как следовать за ним и удовлетворить свое ощущение и ожидание чего-то удивительного и неожиданного. Итак, я готов был слушать его.

— Моему предку, — тихо продолжил он, — показалось, что воле человечества присущи замечательные качества. Качества, имеющие превосходство, о котором мало кто подозревает, не только над действиями одного человека или других людей, но над любым проявлением силы и субстанции в Природе и над многими элементами и измерениями, которые считаются более универсальными, чем сама Природа. Могу ли я сказать, что он с пренебрежением относился к святыням, великим, как Пространство и Время, нашел странное применение ритуалам полудиких краснокожих индейцев, чья стоянка когда-то находилась на этом холме? Эти индейцы показали себя, когда разбили здесь свой лагерь и были чертовски надоедливыми с просьбами прийти на участок земли вокруг дома в полнолуние. Годами они украдкой перебирались через стену каждый месяц и тайком совершали там какие-то ритуалы. Затем в 1768 году новый сквайр поймал их за этим и был поражен, когда увидел, что они там делают. Потом он заключил с ними соглашение и разрешил свободный доступ на свой участок в обмен на то, чтобы они раскрыли ему свою тайну. Он узнал, что этот обычай уходит корнями частично к их краснокожим предкам, а частично — к старому голландцу времен Генеральных штатов. Будь он проклят, но мне кажется, что этот сквайр угостил их подозрительным ромом — намеренно или нет, — но через неделю после того, как он узнал тайну, он остался единственным живым человеком, посвященным в нее. Вы, сэр, первый посторонний человек, которому я рассказываю об этом. Если я рискую, если зря на вас полагаюсь, можете донести на меня властям. Просто мне кажется, что вы страстно и глубоко интересуетесь прошлым.

Я содрогнулся, когда этот человек начал оживляться и разговаривать. Он продолжал свой рассказ.

— Однако вы должны знать, сэр, что то, что этому сквайру удалось выведать у этих дикарей-полукровок, было лишь малой толикой того, что он узнал позднее. Он не напрасно бывал в Оксфорде и не без оснований вел беседы с умудренными годами алхимиками и астрологами в Париже. В общем, ему дали почувствовать, что весь мир есть ни что иное, как продолжение нашего воображения; это, можно сказать, дым нашего интеллекта. Но не простые и обычные люди, а лишь мудрецы способны втягивать и выпускать клубы этого дыма, как это делает курильщик превосходного виргинского

табака. Мы можем создать все, что пожелаем, а то, что нам не нужно, — уничтожить. Я бы не сказал, что все это верно по своей сути, но достаточно верно, чтобы разыгрывать время от времени спектакль. Вам, я полагаю, пришлось бы по душе зрелище тех лет, лучшее, что может вызвать человеческое воображение. Так, пожалуйста, постарайтесь сохранить выдержку и не пугайтесь того, что я намерен вам показать. Идемте к этому окну и будьте спокойны и хладнокровны.

Он взял меня за руку, чтобы подвести к одному из двух окон вдоль длинной стены этой погруженной в зловоние комнаты. При первом же прикосновении его руки без перчатки меня пронизал холод. Его плоть, хотя сухая и твердая, была словно лед. Мне тут же захотелось отстраниться. Но тут я вновь подумал о пустоте и ужасе реальности и смело приготовился к тому, чтобы последовать за ним всюду, куда бы он меня ни повел. Очутившись у окна, он раздвинул желтые шелковые шторы и направил взгляд в темноту наружной стороны дома. В первый момент я не увидел ничего, кроме мириад крошечных танцующих огоньков далеко-далеко впереди. Затем как бы в ответ на незаметное движение его руки в небе заиграла яркая вспышка зарницы, и я увидел море роскошной листвы — незагрязненной листвы, — а не море грязных крыш, как должно было бы показаться любому нормальному воображению. Справа от меня коварно поблескивали воды Гудзона, а впереди, в отдалении, я увидел губительные блики огромного солончакового болота, усеянного боязливыми жуками-светляками. Вспышка погасла, и зловещая улыбка озарила восковое лицо старого колдуна-некроманта.

— Это было еще до меня — до того, как пришло время нового сквайра. Прошу вас, давайте попробуем еще раз.

Я испытывал слабость, я чувствовал еще большую дурноту, чем от ненавистной и нелепой современности этого проклятого города.

— Боже милостивый! — прошептал я. — Вы можете проделывать это с любыми временами.

Когда он кивнул и обнажил потемневшие остатки того, что когда-то было желтыми зубами-клыками, я вцепился в шторы, чтобы не упасть. Но он привел меня в чувство, вновь коснувшись моих пальцев своей жуткой ледяной рукой, и еще раз сделал неуловимое движение.

Снова вспыхнула зарница — но на сей раз над сценой уже не совсем необычной. Это был Гринвич. Гринвич, каким он когда-то был, с домами здесь и там или их рядами, какие мы видим сейчас, однако и с чудесными зелеными лужайками, полянами и клочками поросшей травой земли. Болото все так же поблескивало вдали, но еще дальше я увидел пирамидальные крыши будущего Нью-Йорка: Троицу, собор святого Павла и кирпичную церковь, возвышающуюся над местностью, и нависшую надо всем этим завесу густого дыма, который поднимался из труб. Я дышал с трудом. У меня перехватило дух, но не столько от самого зрелища, сколько от возможностей, которые передо мной открылись; оттого, что мое воображение могло вызвать.

— Сможете ли вы — осмелитесь ли — пойти еще дальше? — заговорил я с благоговейным трепетом, и на какую-то долю секунды мне показалось, что он разделяет мое желание. Но зловещая улыбка вновь скользнула по его лицу.

— Еще дальше? То, что видел я, погубит вас и превратит в каменное изваяние. Назад, назад — вперед, вперед, послушайте, а вы не пожалеете об этом?

Сердито проворчав последние слова себе под нос, он повторил свой незаметный жест. И тут же на небе появилась вспышка, еще более ослепительная, чем две первые. В течение трех секунд передо мной промелькнуло это демоническое зрелище. Перед моими глазами предстал такой вид, который будет потом мучить меня в сновидениях. Я увидел ад, кишаший странными летающими предметами. А под ними простирался адский мрачный город с рядами гигантских каменных зданий и пирамид, нечестиво и варварски вознесшихся ввысь к луне, и дьявольские огни, полыхающие в несметном количестве окон. И, взбираясь взглядом по отвратительным воздушным галереям, я увидел желтокожих, косоглазых жителей этого города, облаченных в мерзкие оранжевые и красные одеяния. Они танцевали, словно безумные, под лихорадочно пульсирующие ритмы литавр, грохот диких струнных щипковых инструментов, неистовые стенания засурдиненных труб, непрерывное и бесконечное ламенто которых вздымалось и опускалось подобно волнам оскверненного и безобразного океана асфальта.

Я увидел это зрелище и мысленно представил себе ту богохульную какофонию звуков, которая его сопровождает. Это было кульминацией всех тех ужасов, которые породил в моем сознании этот город-труп. Забыв о приказании соблюдать тишину, я пронзительно закричал. Я кричал и кричал, так как нервы мои не выдержали, и стены вокруг меня задрожали.

Затем, когда вспышка зарницы исчезла, я обратил внимание, что мой хозяин тоже дрожит. Взгляд, выражающий неподдельный страх, наполовину заслонил искривленную гримасу гнева, вызванного моим поведением. Он зашатался, вцепился в занавески, как совсем недавно делал я, и дико завращал глазами и головой, как попавшее в загон животное. Видит бог, у него были на то основания, так как, когда эхо моих криков стихло, послышался странный звук. Этот звук приводил в такой ужас, что только ошеломленные чувства помогли мне остаться в здравом уме и сознании. За порогом запертой на ключ двери послышалось поскрипывание лестницы под твердыми крадущимися шагами, будто по ней поднималась целая орда босых или обутой в мокасины ног, и наконец, осторожное, решительное подергивание медной щеколды, тускло поблескивающей при слабом свете свечи. Старик крепко схватил за руку и плюнул в меня, в горле его послышались резкие нотки, когда он стоял, покачиваясь и вцепившись в желтые шторы.

— Полнолуние — будь ты проклят — ты... ты, визжащая собака — это ты вызвал их, и они пришли за мной! О, эти ноги в мокалинах — мертвецы — Бог покарает вас, вас, краснокожие дьяволы, но это не я отравил ваш ром. Вы сами напились до смерти, будьте вы прокляты, незачем обвинять сквайра — уходите отсюда! Уберите руки со щеколды! Я пришел сюда не для вас...

В этот момент три неторопливых, но очень уверенных негромких стука сотрясли дверь, и белая пена собралась вокруг рта неистового колдуна. Его испуг, превратившийся в суровое отчаяние, породил новый приступ гнева против меня и, спотыкаясь, он сделал шаг в сторону столика, о край которого опирался. Шторы, все еще зажатые в его правой руке, в то время, как левой он пытался схватить меня, натянулись и, в конце концов,

рухнули на пол вместе с креплениями, открыв в комнату поток сияния полной луны, появление которой предзнаменовали яркие вспышки в небе. В ее зеленоватых лучах поблекло пламя свечей, и появились новые видимые следы разрушения в комнате, пахнущей мускусом, с ее изъеденными червями панелями, осевшим полом, полуразрушенным камином, расшатанной мебелью и потрепанными шторами. Следы эти были видны и на старике то ли от яркого света луны, то ли от страха и безумия. Я заметил, как он весь съежился и сделался черным, когда, пошатываясь, приближался ко мне и жаждал разорвать меня своими хищными когтями. Только глаза оставались прежними, они излучали необыкновенный свет, который становился все ярче по мере того, как лицо все больше чернело и сморщивалось.

Стук в дверь повторился, но с большей настойчивостью. На сей раз в нем появился какой-то металлический призыв. От темного существа, обращенного ко мне, осталась только голова с глазами, которая, корчась, пыталась добраться до меня по осевшему полу. Время от времени она выпускала слюну и злобное шипение. Теперь быстрые, расщепляющие удары посыпались на непрочные дверные петли, и я увидел поблескивание томагавка, когда он разносил дверь в щепки. Я не двигался, так как был не в состоянии это делать, но, потрясенный, наблюдал, как дверь развалилась на кусочки, чтобы впустить огромный, бесформенный поток черной как смоль субстанции с горящими как звезды злобными глазами. Он вливался густым, толстым слоем подобно потоку черной и жирной нефти, прорвал прогнившую перегородку, перевернул стул на своем пути и в конце концов потек под столом туда, где потемневшая голова с глазами все еще взирала на меня. Вокруг той головы он замкнулся, полностью поглотив ее, и в следующий момент начал убывать, унося с собой свою невидимую ношу, не коснувшись меня, вытекая в тот же черный дверной проем, спускаясь вниз по невидимой лестнице, которая скрипела, как и прежде.

Но тут не выдержал пол, и я, тяжело дыша, свалился вниз, в темную как ночь комнату, давясь паутиной и в полуобморочном состоянии от ужаса. Зеленая луна, освещая комнату сквозь разбитые окна, помогла мне заметить дверь в холл, она была полуоткрыта. Когда я поднялся с засыпанного штукатуркой пола, с трудом выбравшись из-под обломков обвалившегося потолка, мимо меня пронесся жуткий черный поток с бесчисленным количеством горящих в нем злобных глаз. Он искал дверь в подвал и, когда обнаружил ее, то исчез в нем. Теперь я искал дверь нижней комнаты. И тут я услышал треск над головой. Вслед за ним что-то упало, пролетев мимо окна с западной стороны. Должно быть, это был купол дома. Освободившись от паутины и обломков, я бросился через холл к входной двери. Не сумев открыть ее, я схватил стул, разбил окно и, как безумный, выпрыгнул из него на неухоженную лужайку, где лунный свет скользил по траве и дикорастущим растениям. Изгородь была высокой, а все калитки в ней — закрытыми. Я сдвинул груды ящиков, лежавших в углу, и таким образом забрался на самый верх стены.

Находясь в состоянии полного изнеможения, я увидел вокруг себя только странные заборы и старые двускатные крыши. Круто поднимающаяся вверх улица чуть просматривалась, и то малое, что успело броситься в глаза, быстро исчезало в тумане, поднимающемся от реки, несмотря на льющийся с небес поток яркого лунного света...

Неожиданно верхушка столба, за которую я держался, начала дрожать, как бы отзываясь на мою смертельную усталость и головокружение, и в тот же момент я стремительно рухнул вниз, в неизвестность, уготованную мне судьбой.

Мужчина, который меня нашел, сказал, что я, должно быть, долго полз, несмотря на сломанные кости, так как кровавый след тянулся далеко, насколько мог видеть его глаз. Начинаясь вскоре дождь смыл следы моих мучений, и невозможно было ничего установить. В сообщениях было отмечено, что я появился неизвестно откуда у входа на небольшой дворик на Перри-Стрит.

Я никогда не пытался вернуться еще раз в те мрачные лабиринты и никакому здравомыслящему человеку не стал бы этого советовать. Кем или чем было то древнее существо, я не имею ни малейшего представления; но я повторяю, что город мертв и полон всяких непредвиденных ужасов. Исчез ли он, я не знаю, но я вернулся домой, на чистые зеленые лужайки Новой Англии, до которых по вечерам доносится наполненный морскими запахами ветер.

Перевод: А. Сырова

1993 год